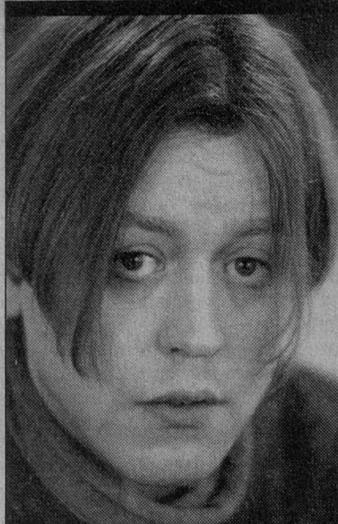

НОВЫЕ РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Ярослава Здорова я заметила еще лет пять назад в консерватории, и мне уже тогда захотелось взять у него интервью. Во-первых, не так уж часто молодые певцы поют старинную музыку, да еще с серьезными оркестрами. А во-вторых, певец пел... женским голосом.

На самом деле голос, конечно, мужской — контртенор. Звучит он приблизительно как женское меццо-сопрано и сопрано. Из мужских голосов контртенор — самый редкий, и если во всем мире контртеноров не так уж много, то в России — вообще единицы (самым известным в свое время был Эрик Курмангалиев).

Однако взять у Ярослава интервью я тогда не успела. Он «пропал». Исчезло его имя с афиш, и не только консерваторских. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила Здорова в программке мюзикла «Чикаго»!

И вот мы в гримерке Театра эстрады — в перерыве между двумя спектаклями: дневным и вечерним. Мой собеседник в гриме (он играет женщину, которая потом неожиданно оказывается мужчиной). Из-под приспущенных рукавов мужского свитера выглядывает оранжевый маникюр, из-под брюк — черные колготки в сеточку. Изящные туфли на каблучках.

Я, естественно, заговорила вопросы, среди которых первым был: «Как же это, Ярослав, скатились вы с Баха и Генделя на шоу-бизнес?» Но мы начали разговаривать, и, кажется, ни одного вопроса из припасенных я так и не задала.

Наталья СКЛЯРОВА

— Тяжело, наверное, петь по два спектакля в день?

— До «Чикаго» я три года не пел вообще — из-за астматических проблем. Я раньше думал, что у вокалистов не бывает бронхита: ведь это постоянная дыхательная гимнастика. А оказалось, больше всего проблем как раз у вокалистов и спортсменов.

— Пробы на «Чикаго» были очень сложными. После трех лет «простоя» вы не боялись прийти на кастинг?

— Я вообще никогда и не думал петь в мюзикле. Но по телевизору постоянно крутили рекламу, знакомые рассказывали, как они приходили на кастинг, и безуспешно... Из любопытства решил тоже сходить. И меня сразу взяли.

— Ярослав, вы из тех певцов, которые «начали петь раньше, чем говорить»?

— Отнюдь. Моя мама окончила Театральный институт и очень хотела, чтобы я был актером. Мне было года два, когда она «для всестороннего развития» привела меня в оперу. Я был потрясен. Сидел, не шелохнувшись, а в антрактах всегда стоял у оркестровой ямы. Когда мама спохватилась, что ее чадо развивается не всесторонне, она так же усиленно начала водить меня в драматические театры. Но там мне было скучно: все костюмы серые, дяденки по сцене ходят, слова растягивают...

— А в музыкальной школе вы разве не учились?

— Учился. К сожалению.

— ???
— На фортепиано я стал заниматься еще до школы. Но жили мы вдвоем с мамой, и когда к музыкальной школе добавилась общеобразовательная, она уже не успевала меня водить и туда, и сюда. Пришлось музыку бросить.

— А в хоре вы пели?
— Нет, до хора тоже не дотянул. Тогда как раз начиналась афганская кампания (мы жили в Ташкенте). Над нашим домом летали вертолеты, недалеко были штаб военного округа и военный госпиталь. Мама безумно боялась, что в один прекрасный день меня заберут в Афганистан. Начала

шешенькая! И ей было так скучно со мной. Я приходил в класс вечно неподготовленным. Она выйдет, покурит, посплетничает со своими коллегами, дезодорантом побрызгается, вернется, сядет (по-женски закидывает ногу на ногу, томно закатывает глаза): «Боже мо-ой! Господь дал такие руки — и такую тупую голову! Давай играй!». И во-от такими каблуками по полу (визгливо, топя ногой): «И р-раз! И два! Кре-ещен-до!» Странно, но при таких взаимоотношениях с музыкой ни я от нее не отказался, ни она от меня.

Германию, больше я ничего о нем не слышал.

— А потом вас заметил сам Петер Штайн!

— Петер Штайн пригласил меня в «Гамлет» — услышал мой голос и специально под него добавил в спектакль огромную сцену. Перед зрителями появлялись Королева (то есть я) и Король (его играл Владимир Этуш). Она клялась ему в вечной любви, а Король отговаривал: «Я стар. Я суперстар!» А потом эта же сцена повторялась в оперном виде. На мне были длинные ажурные перчатки, легкое кремовое платье с кружевами, шляпа, собственные длинные накрученные

уж если даже Чурикова не смогла меня раскусить!

— Наверняка вам случалось кого-то разыгрывать, используя свой голос?

— Да, постоянно. Иногда в гостях у кого-нибудь снимаю трубку и отвечаю голосом секретарши: «Приемная Совета министров!» Или когда после спектакля приходится ловить машину (не идти же с остатками грима в метро, а чтобы все это смыть, нужно снимать одежду), водители часто принимают меня за девушку, даже если при этом на мне мужская одежда и ботинки. Я не разубеждаю — зачем? Девушке проще договориться о той цене, которую она может заплатить. А стоит чуть улыбнуться глазами — вообще готовы везти бесплатно.

— А если приставать начнут?

— Пока не приставали. Наверное, у меня получается сохранять дистанцию.

— Вас специально для «Чикаго» подстригли?

— Да. Терпеть не могу стрижки, у меня всегда были длинные волосы. Но здесь нужен был резкий контраст между женщиной и мужчиной, и Сергей Зверев придумал такую стрижку, что мне даже понравилось.

— Как работаете с Киркоровым?

— Раньше Киркоров был мне абсолютно неинтересен, как и вся поп-тусовка, — эта глянцева картинка раздражала жутко. Но, прийдя сюда, я открыл для себя совершенно другого человека. Он держится как звезда, но при этом совсем не оскорбительно для других. Он понимает, что здесь главные все, восторженных нет. К работе относится профессионально, и именно в «Чикаго» стало видно, что в нем есть актерские данные. Просто поп-тусовка не дает открыться человеку.

— Вас, наверное, теперь тоже приглашают на светские тусовки?

— С какого боку? Я не звезда, пою совершенно другую музыку. А если бы и пригласили, то вряд ли бы пошел.

— Вы не хотите быть звездой?

— Я хочу сейчас немного разобрататься с мюзиклом и заняться снова своими сольными концертами, может быть, даже вернуться к старинной музыке. Я еще не пел русских романсов — Чайковского, Даргомыжского, Глинку, русскую духовную музыку.

— И вы предпочтете романсы, даже если вам предложат другой громкий мюзикл?

— Все зависит от качества материала. Но такой кричащей карьеры, как, например, у Курмангалиева, я не хочу. Для этого нужен совершенно другой склад характера, зоркость и ума. Нужно быть более скандальным и не возражать против того, чтобы сделаться аттракционом для толпы. Я и без того знаю, что я есть. В Европе контртеноров достаточно много, там есть школа и система обучения, но даже там голоса с такой глубиной и диапазоном (у меня диапазон от контральто до сопрано — я беру до-диез — ре третьей октавы), большая редкость.

— Долго вас учили ходить на каблучках?

— (С гордостью) Я всю жизнь умел. С детства. К маме постоянно приходили подруги, так что я рос в женском обществе. Любил надевать мамини туфли, длинные платья. Сажал свою собаку, куклу, потом маму тоже стал сажать — и показывал им спектакли. Так у меня постепенно набирался полный зал. И все мне аплодировали.

НЕДАЖАНОЕ МОДЕ

Ярослав ЗДОРОВ: Однажды на «Чикаго» пришла Инна Чурикова. Спросила: «А это кто, провинциальная актриса?» Я счел это для себя огромным комплиментом

уговаривать: «Давай ты снова пойдешь в музыкальную школу. В армию заберут — будешь там на баяне играть!» Так меня застрашала, что я сдался. Пошел на баян: на баяне пять лет учили, а на остальные инструменты я уже по возрасту не подошел.

— Нравилось на баяне?

— Это было ужасно. Моя педагогиня была молодая таяя, хоро-

— Так кто же открыл ваш уникальный голос?

— После того, как я окончил театральный институт, мне встретился один продюсер. Пристал: «Вы знаете, как называется ваш голос?». От него я и узнал, что у меня за голос и что в нашей стране это «непаханное поле».

— Как звали продюсера?

— Не помню. Он потом уехал в

волосы — в стилистике фильмов Веры Холодной. А в конце спектакля, после отравления Короля и соблазнения отравителем Королевы, мы выходили на сцену уже в обычных костюмах, и все вдруг понимали, что Королева — мужчина.

— Похоже, вам очень нравятся все эти кружева, шляпы, кудри...

— Я давно понял, что реалистический театр — не мое. Конкретная жизнь со всеми ее прелестями мне не подойдет. В гротескной роли я себя естественнее чувствую, и, кстати, среди моих женских персонажей нет ни одной «простушки». Не зря, наверное, ребята из «Чикаго», когда я переодеваюсь, начинают реагировать на меня, как на настоящую женщину — мужской инстинкт, что ли, срабатывает? Пытаются облапать чуть ли не на сцене. Сколько раз уже просил не шутить так — бесполезно.

— Ярослав, говорят, голос довольно точно отражает характер. Вы не наблюдаете в своем характере женских черт — особенной мягкости, гибкости, ранимости, интуиции?

— Для того чтобы ощутить себя женщиной, надо родиться женщиной. Мужчины не настолько деревянны, чтобы не испытывать тонких переживаний, но то, что чувствует женщина, может пережить только женщина. Я не верю всем этим транссексуалам, которые делают операцию по смене пола и утверждают, что их жизнь изменилась. Они становятся женщинами только на поверхностно-эмоциональном уровне, а в остальном остаются мужчинами. Какая это женщина, если она никогда не испытывает женского оргазма и радости материнства? У меня сам собой сложился репертуар: мужчина на женские роли. При этом трансвеститом я себя не ощущаю. Я играю женщин только на сцене, а по улицам в юбках ходить желания не испытываю. Однажды на «Чикаго» пришла Инна Чурикова. Моя героиня показала ей очень странной, и в антракте она спросила у директора: «А это кто, провинциальная актриса?» Я счел это для себя огромным комплиментом. Потому что,

Ярослав ЗДОРОВ. Актер, певец. Родился в 1970 году в Ярославле, окончил актерский факультет Ташкентского театрально-художественного института им. Островского и РАМ имени Гнесиных по классу вокала у Зоры Долухановой. В театре работал с Алексеем Рыбниковым, Рома-

ДОСЬЕ «ВМ»

ном Виктюком, Валерием Фокиным, Петером Штайном. Актер Театра музыки и поэзии. Был солистом Коллегии старинной музыки при Московской консерватории. Выступал с сольными концертами музыки XVII — начала XIX века. С 2002 года играет в мюзикле «Чикаго».